

**ОБЩЕСТВЕННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ  
КАК ФАКТОР ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ДИНАМИКИ**  
**SOCIETAL CHANGES AS A FACTOR  
OF CIVILIZATIONAL DYNAMICS**

*И. Шубрт*

**ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ  
В ПЕРСПЕКТИВЕ ТЕОРИИ ЭНТОНИ ГИДДЕНСА**

*J. Šubrť*

**THE PROBLEM OF SOCIAL CHANGE IN THE PERSPECTIVE  
OF ANTHONY GIDDENS' THEORY**

*История, по Э. Гидденсу, не обнаруживает континуальность, напротив, она имеет контингентный характер и представляет собой поток эпизодов. Сценарий истории создается пространственно-временным сосуществованием социальных формаций различных типов. Согласно Гидденсу, социетальные типы (социальные формации) можно определить с помощью структурирующих принципов, сформулированных в категориях времени и пространства. Он различает три структурирующих принципа социальной интеграции: а) племенные сообщества, б) классово разделенные общества, в) классовые общества (капитализм). Все общества, большие, малые, или кажущиеся изолированными, существуют в свободной ассоциации с другими. В этой перспективе Гидденс выделяет четыре типа межсоциетальных систем: а) доисторические; б) империи; в) ранние и д) современные капиталистические мировые экономики. В целом теоретическая работа Гидденса представляет собой попытку сформулировать амбициозную теорию социального изменения, которая в современной социальной науке остается малоизученной.*

*History for Anthony Giddens manifests no continuity but on the contrary has a random nature and episodic flow. History's script is created by the time-spatial coexistence of different types of social formations. Societal types (social formations) are defined by Giddens as being formed by the power of space-time*

*structuring principles. He distinguishes three structuring principles of social integration: a) tribal communities, b) class-divided societies c) class societies (capitalism). All societies, whether small or large, or seemingly isolated, exist in free association with other societies. From this perspective, Giddens distinguishes four types of inter-societal systems: a) prehistoric systems, b) empires, c) early and d) current capitalist world economies. Generally, Giddens' theoretical work attempts to formulate an ambitious theory of social change, but in contemporary social science there has been no notably strong response.*

**Ключевые слова:** история, пространство-время, социальные формации, социальная интеграция, межсоциетальные системы, социальные изменения.

**Keywords:** history, space-time, social formations, social integration, inter-societal systems, social change.

Энтони Гидденс (1938 г. р.) — автор масштабных, амбициозных и широко обсуждаемых социологических трудов (Šubrt 2000; 2007). Он учился (с 1956 г.) в университете Халла (Йоркшир), а также в Лондонской школе экономики и политических наук (1959–1961 гг.). Его профессиональный путь был связан с Лестерским университетом (1961–1969 гг.), с Кембриджским университетом (с 1969 г.), Университетом Санта Барбара в Калифорнии и Лондонской школой экономики и политических наук (1997–2003 гг.). Является автором более тридцати книг. В восьмидесятые годы стал со-основателем издательства *Polity Press*. Широкой общественности наиболее известен как советник британского премьера Т. Блэра.

### Социетальные типы

Гидденс присоединяется к идее Маркса о том, что люди создают свою историю сами (эта идея, подчеркивающая значение человеческой деятельности, лежит в основе теории структурирования), но в то же время отвергает Марксову схему общественного развития как эволюционистский *world-growth story*, отличающийся унелинейным упрощением и темпоральным искажением. Сам он означает свое устремление на этом поприще как «деконструкцию» исторического материализма (Giddens 1988: 299–300). При этом в своих идеях по поводу проблемы социальных изменений он опирается на пять основных понятий (Giddens 1988: 300; Giddens 1984: 244): а) структурные принципы, б) эпизоды, в) интерсоциетальные системы, г) пространственно-временное разграничение (*time-space edges*), д) мировое время (*world time*).

Взгляд Гидденса на историю во многом напоминает взгляды М. Фуко. Мишель Фуко использует концептуальный инструментарий, введенный французскими историками науки (Г. Башляр, Ж. Кангийем), которые в оппозиции к континуальной концепции истории подчеркивают аспект дисконтинуума и разрывов, на основании которого выделяют и различают научные эпохи (Baert 1998: 120). Фуко противопоставляет эту «новую историю» предшествующим усилиям, направленным на сглаживание дисконтинуума и моделирование

истории по подобию нарративного континуума. В этом старом типе истории дисконтинуум вызывал растерянность, поскольку понимался как признак неуспеха или профессиональной непригодности. Наоборот, в новом типе истории, с которым Фуко идентифицируется, дисконтинуум не является препятствием, а становится ключевым понятием.

Фуко связывает применение структурного метода с концептом дисконтинуума, в результате чего его археологический метод стремится к двум целям. Во-первых, он стремится найти латентные структуры, которые в течение длительных временных периодов остаются стабильными. Одновременно он пытается найти в истории такие радикальные переломы, которые эти длительные периоды относительной стабильности разграничивают. Взгляд Фуко на историю приводит к представлению о длительных периодах относительной стабильности с определенными доминантными структурами и практиками. Эти периоды разделяются относительно короткими интервалами переломов (речь может идти о нескольких десятилетиях), в которые происходит переход от старой структуры к новой. П. Берт (Ibid: 121) констатирует, что в понятии истории Фуко мы встречаемся с двумя ритмами: первый представляет собой очень медленный ритм *longue durée* (здесь заметно влияние школы Анналов), второй — ускоренный ритм разрывов (рефлексируемый историками науки). Добавим, что Фуко сконцентрировался, главным образом, на том, чтобы показать, чем отдельные периоды отличаются друг от друга и в то же время чем они контрастируют с современностью, но не приложил достаточных усилий для того, чтобы объяснить, как происходят переломы между отдельными периодами (Šubrt 2003: 80–86).

Гидденс полагает, что вся общественная жизнь имеет эпизодический характер. Понятие «эпизодический» применимо ко всему спектру социальных практик. Если определенный аспект социальной жизни мы характеризуем как эпизод, то рассматриваем его как ряд поступков или событий, имеющих идентифицируемое начало и конец, в результате чего он представляет определенную секвенцию времени. Гидденс рассматривает историю как чередование эпизодов, т. е. как последовательность «больших эпизодов» (*large-scale episodes*) — долговременных секвенций, разделенных изменениями, которые касаются доминантных институций или самих обществ. В связи с этим он формулирует представление о существовании «критических порогов» (*critical thresholds*) изменений, достижение которых приводит к переходу между целыми социальными типами (*overall societal types*) (Giddens 1988: 302, Giddens 1984: 246).

Вдохновляющую идею для формулирования неэволюционистской классификации пространственно-временных социетальных типов Гидденс находит у Маркса в его понятии общественной формации, однако он отказывается от его концепции развития. Ханс-Петер Мюллер (Hans-Peter Müller) в этой связи говорит о гиденсоновской деконструкции исторического материализма, которая нацелена на то, чтобы заменить диалектику производительных сил и производственных отношений Маркса логикой преодоления времени и пространства, которая ведет к неэволюционному пониманию общественных формаций (Müller 1992: 190). История, по Гидденсу, не обнаруживает континуальности,

наоборот, она имеет контингентный характер и представляет собой поток эпизодов, сценарий которых создается пространственно-временным сосуществованием различных типов общественных формаций.

Согласно Гидденсу, социетальные типы (общественные формации) можно определить с помощью структурирующих принципов, сформулированных в категориях времени и пространства. Он различает три структурирующих принципа общественной интеграции: а) племенные общества, б) классово разделенные общества, в) классовые общества (капитализм) (Giddens 1988: 236).

В племенных обществах происходит незначительное преодоление времени и пространства. Доминантной формой пространства выступает село. Системная интеграция неотделима от социальной. Главные способы структурирования — традиции, родственные сообщества и групповые санкции.

В классово разделенных обществах преодоление времени и пространства происходит на «среднем уровне». Пространство делят между собой город и деревня. Системная и социальная интеграция разделены. К структурным особенностям племенных обществ добавляется государство с политической и военной властью.

Классовое общество характеризуется самой высокой степенью преодоления времени и пространства. Доминантной формой пространства является искусственно созданная среда. Системная и социальная интеграция резко дифференцированы. Новое государство интегрирует общество, которое при помощи институтов надзора подчинено высокому уровню социального контроля.

В тексте своего учебника (Giddens 1999: 66–76) Гидденс говорит о самом древнем типе человеческого общества, состоящем из охотников и собирателей, позднее (примерно двадцать тысяч лет назад) появляются скотоводческие и земледельческие сообщества. Примерно в 6 тыс. до н. э. возникают первые традиционные государства, которые были более крупными, чем предыдущие социетальные типы, опирались на развитие городов и отличались существенным неравенством по отношению к власти и богатству. Упадку этих традиционных государств способствовал новый, отличающийся от старого, тип общества: общество промышленное, капиталистическое.

Капитализм представляет для Гидденса единственную общественную формацию, в которой проявляются многочисленные новые, специфические черты. В противоположность Марксу, который отдавал первенство экономическим отношениям на протяжении всей существующей до сих пор (классовой) истории человечества, Гидденс признает приоритет экономики только в рамках капиталистического общества. При этом он решительно не считает капитализм неким итогом или вершиной истории. В истории не обнаруживается континуального течения и с капитализмом не наступает ее конец.

Все общества, малые, большие или, казалось бы, изолированные, существуют как минимум в свободной взаимосвязи с другими обществами. Поэтому следующий логический шаг в мышлении Гидденса представляет попытка объяснить сосуществование разных общественных формаций. Он работает с понятием интерсоциетальных систем, которые выражают специфический ха-

рактер отношений между различными одновременно существующими социетальными типами (например, индустриальный капитализм существовал и существует во взаимосвязи с иными типами обществ). При этом он придает большое значение «мировому времени», поскольку общественные формации приобретают различный характер также и благодаря тому, что они локализованы и находятся под воздействием различных типов интерсоциетальных системных констелляций (например, когда на племенное общество постоянно воздействует контакт с капиталистической цивилизацией).

С этой точки зрения Гидденс различает четыре типа интерсоциетальных систем: а) доисторические системы, б) империи, в) раннюю и г) современную капиталистическую мировую экономику (Giddens 1988: 238). Эти типы интерсоциетальных систем репродуцируют глобальные исторические сценарии, основанные на пространственно-временном сосуществовании различных общественных формаций в их специфическом историческом подобии. Сосуществование различных общественных формаций и контакт между ними Гидденс связывает с понятием пространственно-временной границы (*time-space edge*). С помощью этого понятия он выражает конфликтный или симбиотический характер отношений между обществами разных структурных типов.

### **Современная критика исторического материализма**

Существенная черта гиденсовского понимания социальных изменений — отказ от представления о последовательном совершенствовании общественных формаций (как это наблюдается у Маркса, а в иной форме также, например, у Парсонса). Со ссылкой на антропологические и географические познания Гидденс подвергает сомнению концепцию, согласно которой в потоке истории можно найти какую-то логику развития. Гидденс убежден в том, что историю невозможно понимать ни как диалектическое развитие производительных сил и производственных отношений, ни как историю классово-борьбы, ни как нарастание сложности и дифференциации.

Следующее предположение, на котором Гидденс выстраивает свою концепцию, касается того, что общественные изменения не являются следствием исключительно внутренних механизмов. Разные по характеру общества всегда существовали рядом друг с другом и воздействовали друг на друга самым различным образом. Только с учетом этих межобщественных (интерсоциетальных) интеракций можно понять формирование определенных конкретных политических и социальных форм. Гидденс, кроме того, отказывается принимать специфически европейский переход от абсолютизма к капитализму в качестве некоего универсально действующего образца развития истории общемирового значения. По его мнению, глобальное расширение европейской цивилизации произошло не вследствие скрытой исторической логики или превосходства, а только благодаря ряду контингентных, случайных факторов, одним из которых является историческое совмещение европейской государственной системы и капитализма, а, следовательно, и сходство между военной экспансией и расширением торговых отношений (Giddens 1985: 161–171). Гидденс придерживается теории мировой системы Валлерстайна (Wallerstein 1974), тем не

менее, он критикует его за то, что, сосредоточившись на проблематике международного разделения труда, он недооценил военный масштаб европейской экспансии.

Когда в 1980-е гг. Гидденс пытался создать теоретический противовес материалистическим и эволюционным подходам, ему важно было выстроить такую теорию истории, которая дала бы ему отправную точку для анализа современных проблем, т. е. для анализа современности. Гидденс отвергает представление о законах развития, а также о якобы существующей логике эволюции, которую можно противопоставить истории сигнификантных событий, и настаивает на идее о череде эпизодов, идущих один за другим в форме революционных трансформаций, приносящих с собой собственные пространственно-временные интеграционные режимы. Гидденсовская теория модернизма подчеркивает значение дисконтинуальности, которая акцентирует то, чем общества эпохи модернизма отличаются от иных типов обществ, и те проблемы, с которыми они встречаются. Современные общества по своему характеру очень специфичны и разительно отличаются от всех предыдущих формаций (будь это племенные сообщества, городские государства, древние или феодальные империи), которые разнились между собой намного меньше. Более того, динамика индустриального капитализма и новый способ, которым взаимопроникают пространство и время, приводят к тому, что эти ранние общественные формы постепенно ликвидируются.

Необходимо констатировать, что те представления, которые Гидденс разделял в начале 1980-х гг., когда он начинал работать над проектом современной критики исторического материализма и теорией модерна, за последующие двадцать лет изменились. Первая часть этого проекта под названием *Contemporary Critique of Historical Materialism* (1981) была посвящена интерпретации и критике трудов Маркса. Во второй части *The Nation State and Violence* (1985) он сосредоточился на вопросе государственной и военной власти, а также уделил внимание так называемому реальному социализму, который, с точки зрения используемых в нем механизмов власти и техник слежения за людьми, по мнению Гидденса, решительно не представлял для современной западной системы какой бы то ни было мыслимой альтернативы.

Проект реконструкции исторического материализма Гидденса — проявление англосаксонского и североамериканского восприятия Маркса, которое пытается принимать во внимание Маркса как теоретика, вне зависимости от того, какие политические направления и системы связаны с его именем. Это восприятие без колебаний расстается и с некоторыми центральными составляющими марксовской теории. Для Гидденса такую проблематичную часть представляла популярная схема базиса и надстройки и его материалистически ориентированный исторический оптимизм; история XX столетия ясно показала, к каким последствиям приводит использование этой философии истории, основанной на вере в прогресс.

С Марксом (но также и с М. Вебером) Гидденс сходится в том, что специфически капиталистический способ производства, ориентированный на рынок и связанный с капиталом и наемным трудом, представляет именно ту фунда-

ментальную дисконтинуальность, которая отличает историю современного общества от всех предыдущих типов обществ. Гидденс даже придерживается того мнения, что эта форма производства характеризует и институциональную архитектуру, и социальную интеграцию всего социального порядка, однако при этом он имеет в виду, прежде всего, отделение хозяйственной сферы от сферы политической, а также систему капиталистической конкуренции, которая структурирует экономическую область и одновременно влияет на другие сферы жизни.

Однако, в отличие от Маркса, Гидденс различает понятия «капиталистическое производство» и «индустриализм» (Giddens 1985: 137 и след.). Он считает, что индустриализм представляет собой организационную форму капиталистического производства, которую невозможно отождествлять или редуцировать к форме собственности и классовым отношениям. Индустриализм, по Гидденсу, в более широком понимании включает кроме промышленного производства также механизацию транспорта, урбанизм, но также и новые формы ведения войны. Важное измерение индустриализма представляет отношение общества к природе, к человеческому телу и человеческой репродукции. Хотя нет сомнений в том, что индустриализм проявляет черты, родственные капитализму, но с институциональных позиций он является чем-то самобытным и автономным.

Гидденс подвергает сомнению также и ключевое марксистское представление об исторической роли пролетариата. Он подвергает критике и то, что марксизм рассматривает эксплуатацию чисто экономически как присвоение экономической сверхприбыли в капиталистическом производственном процессе. Гидденс не отрицает, что наемный труд и существование рынка рабочей силы — центральная ось классовой структуры развитых обществ, однако подчеркивает, что существуют и другие формы эксплуатации, которые с классовой схемой не совпадают (Giddens 1981: 242 и след.). Это может быть иерархия, сформированная военной властью, дискриминация, основанная на этнической основе и, не в последнюю очередь, неравное положение полов.

### **Национальное государство и насилие**

Проблематике национального государства посвящен второй том «*Реконструкции исторического материализма*» Гидденса, который вышел в 1985 г. В нем излагается постмарксистский анализ современного общества и политики, причем подчеркивается, что внимание будет обращено на существенные стороны государственной власти, которые были недооценены не только самим Марксом, но и Дюркгеймом и Вебером (Giddens 1985: 17–34). Гидденс считает, что Дюркгейм не учитывает двух решающих признаков государства, вступившего в эпоху модернизма: монополизацию средств легитимного физического насилия и претензию на право суверенности на строго ограниченной территории, которое юридически кодифицировано и фактически внедряется стабильным институционализированным государственным аппаратом. У Вебера, наоборот, эти два признака становятся центральными в его общем определении государства, но при этом он не понял, что эти предпосылки начинают действовать только в условиях современного общества. Гидденс со ссылкой на

исторический материал показывает, что в классических империях и позже в средневековье локальные единицы и повседневная жизнь были подчинены государственным институтам лишь в незначительной мере. В обществах «классово разделенных» (как их называет Гидденс) государственная власть и политическая борьба сосредотачиваются в городах, в то время как социальная интеграция все еще основана на традициях и родстве. В противоположность этому, в современном государстве административная власть и механизмы политической интеграции проникают так глубоко, что достигают и таких общественных институтов как семья, воспитание, наука и средства массовой информации.

Национализм современного общества Гидденс понимает, в первую очередь, как психологический феномен, который связан с деструкцией примордиальных связей с родственными группами, сельскими сообществами и традициями, в результате чего потребность в принадлежности и «онтологических ценностях» переносится на общность по речи, культуре и происхождению (Giddens 1985: 116 и след.).

Вдохновленный и идеями Фуко, он уделяет внимание универсализации надзора, контроля и администрирования как самостоятельному измерению развития власти в эпоху модернизма (Ibid: 172–197). При этом, с точки зрения Гидденса, парадоксально, что Вебер, посвятивший столько внимания бюрократическому рационализму капитализма, не смог полностью распознать значения этого измерения.

Институты капитализма, индустриализма и национального государства способствовали тому, что борьба и насилие были устранены из повседневной жизни общества, была конституирована частная сфера и гарантированы гражданские права. Однако обратной стороной этого явилось усиление контроля и введение дисциплины в трудовой процесс (которые благодаря техникам современного менеджмента были постепенно смягчены), но также и общее распространение дисциплинарных практик властей в постоянно сгущающихся взаимосвязанных сетях государственных институтов (центральной составной частью таких практик является сбор, сохранение и организация информации). Пацификация общества под влиянием монополизации власти и практик дозора и контроля административного аппарата приводит к результату, на который, по мнению Гидденса, предыдущее поколение обществоведов совсем не обращало внимания (что, по Гидденсу, достойно порицания): а именно, опасность, что власть, которую приобретает государство, может приобрести тоталитарный характер (Ibid: 294 и след.). Согласно Гидденсу, в настоящее время не существует ни одного государства, которое имело бы полный иммунитет против этой возможности.

То, что Гидденс чрезвычайно выделяет в работе *Nation-State and Violence*, это способ, которым национальное государство формируется. Автор констатирует, что социология удивительным образом игнорирует тот факт, что социальная интеграция, которая приходит с возникновением европейских национальных государств уже в конце XVIII в., осуществилась в значительной мере под влиянием войн и военных действий. Современное государство получило свое «крещение огнем»: войной или подготовкой к ней, свою долю в этом имели



и государственные институции. Согласно Гидденсу (Ibid: 232–235), гражданские права и социальные меры берут свое начало в ситуациях, в которых государство проводит массовую мобилизацию своего населения или же стремится обеспечить ему поддержку — и период холодной войны не был в этом исключением. Гидденс показывает, что включение населения в рамки институтов современного государства произошло не только как процесс передачи гражданских прав, но что оно имело и свою обратную сторону, вину за которую несла военная служба. В современном государстве отношение между военной службой, политическим контролем и гражданами имеет решающее влияние на форму общественных институциональных систем. В этом контексте обе мировые войны Гидденс рассматривает как трансформирующие для институций современного общества: Первая мировая война и потребность в лояльности со стороны рабочих вела, например, к бесповоротному этаблированию рабочего движения в рамках государства (Ibid: 236–254). То же самое касается и технологий, многие из которых были разработаны для обеспечения потребностей армии и лишь позднее стали использоваться в гражданском производстве.

Следующий структурирующий эффект, который был характерным для современного общества и в послевоенный период, — это появление новых форм административного контроля, с помощью которых государство осуществляло организацию народного хозяйства в военное время. Во время войны концентрация и направление всех источников к одной цели требовало появления директивных методов, которые противоречат рыночному хозяйству. Гидденс заключает, что экономический подъем Германии и Японии произошел благодаря методам ведения военного хозяйства, он утверждает также, что и развитие народного хозяйства в Советском Союзе было инспирировано скорее приказной экономикой Первой мировой войны, чем Марксом.

Эффекты войн, власть военных и происходящие дипломатические переговоры не в последнюю очередь отражаются и на формировании структур и институтов по организации международного порядка, в который вовлечены отдельные государства и в рамках которого в той или иной мере они имеют определенную гарантированную позицию, связанную с определенными правами и определенными обязанностями. В этой связи Гидденс, например, упоминает, каким образом на характер глобальной архитектуры послевоенного времени повлияли конференции в Ялте и Потсдаме.

### **Заключение**

Можно заключить, что Гидденс в своих теоретических работах попытался сформулировать амбициозную теорию социальных изменений, которая, однако, в современных социальных науках слишком большого признания не нашла. Одной из основополагающих черт гиденсовских размышлений является антиэволюционизм. Согласно Гидденсу, эволюционная теория должна быть заменена понятием «эпизоды», которое, тем не менее, не было достаточно определено. Кроме того, остается открытым вопрос о том, почему этот «эпизодический» подход не мог быть совместим с вариантом «модернизма» эволюционной теории. Сегодня социология оказалась в ситуации, которая требует новых подхо-

*Шубрт И. Проблема социальных изменений в перспективе теории Энтони Гидденса*

дов к формированию теории социальных перемен. Но на сегодняшний день вклад Гидденса в этом направлении, пожалуй, не представляет собой более или менее значительной альтернативы.

### **Литература**

*Baert P.* Social Theory in the Twentieth Century. Cambridge: Polity Press, 1998.

*Giddens A.* A Contemporary Critique of Historical Materialism, Vol. 1. Power, Property and the State. Berkeley: University of California Press, 1981.

*Giddens A.* The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration. Berkeley, Los Angeles: University of California Press, 1984.

*Giddens A.* The Nation-State and Violence: Volume Two of A Contemporary Critique of Historical Materialism. Cambridge: Polity Press, 1985.

*Giddens A.* Die Konstitution der Gesellschaft. Grundzüge einer Theorie der Strukturierung. Frankfurt/M.-New York: Campus, 1988.

*Giddens A.* Sociologie. Praha: Argo, 1999.

*Müller H.-P.* Sozialstruktur und Lebensstile: Der neuere theoretische Diskurs über soziale Ungleichheit. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1992.

*Šubrt J.* Východiska Giddensova přístupu k rekonstrukci sociální teorie // Společenské procesy a jejich aktéři. AUC, Studia sociologica XII. Praha: Karolinum, 2000. Pp. 35–49.

*Šubrt J.* Čas a společnost: k otázce temporalizované sociologie. Praha: ISV, 2003.

*Šubrt J.* Anthony Giddens: Teorie strukturace, teorie modernity // Šubrt J. et al. Soudobá sociologie I: Teoretické koncepce a jejich autoři. Praha: Karolinum, 2007. Pp. 138–177.

*Wallerstein I.* The Modern World System. New York: Academic Press, 1974.